

Сильченков К. Н. О возможности и значении научно-художественного изображения Господа нашего Иисуса Христа: (К вопросу о психологических основах христианства) // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 1. С. 1–24 (2-я пагин.). (Начало.)

О возможности и значеніи научно художественнаго изображенія Господа нашего Іисуса Христа.

(Къ вопросу о психологическихъ основахъ христіанства).

Необходимымъ условіемъ успѣха каждаго дѣла является ясное знаніе цѣли его, а необходимымъ условіемъ успѣха во всякой борьбѣ служить знаніе источника своей силы. Кто безъ опредѣленной и ясно сознанной цѣли выступаетъ изъ за стѣнъ неприступной крѣпости (допустимъ такой образъ)—въ поле, куда его увлекаютъ враги, зная, что тамъ онъ беззащитенъ и его легко побѣдить,—тотъ естественно подвергается особой опасности и даетъ врагамъ удобный случай торжествовать надъ собою.

Совершенно тоже наблюдается и въ борьбѣ болѣе благородной, въ борьбѣ за вѣрованія и убѣжденія: въ ясномъ сознаніи, гдѣ лежатъ основы силы, обаянія и нравственнаго величія идеаловъ, изъ за которыхъ происходитъ борьба,—залогъ вѣрной побѣды. И здѣсь должны быть своего рода твердыни, выступать за которыя можно лишь на время, въ частныхъ только случаяхъ,—но которыя всегда должно сохранять за собою, потому что изъ за нихъ только и возможна побѣда.

Вотъ почему—въ наши дни, въ дни обострившейся борьбы вѣры съ невѣріемъ, христіанства—со вновь возродившимся язычествомъ (которое, точнѣе говоря, никогда, впрочемъ, не умирало и лишь пріобрѣло теперь особую силу),—представляетъ особую важность разсмотрѣніе вопроса о томъ, что должно составлять средоточіе и вѣстѣ съ тѣмъ—какъ бы твердыню христіанской богословской науки (частнѣе—христіанской апологетики),—къ чему, къ какой главной

работѣ должны сводиться въ ней всѣ частныя труды и работы.

Не смотря на всю важность этого вопроса въ наше именно время, нельзя сказать, чтобы онъ былъ рѣшенъ опредѣленно и ясно. Вотъ чѣмъ, по крайней мѣрѣ, только и можно объяснить уже отмѣченный въ нашей богословской литературѣ фактъ, что въ обильныхъ за послѣднее время апологетическихъ трудахъ противъ писателей антихристіанскихъ и антицерковныхъ—въ громадномъ большинствѣ случаевъ отрицательный элементъ рѣшительно преобладаетъ предъ положительнымъ; много говорится въ опроверженіе заблужденій и мало—въ положительное выясненіе идеала. Это именно и значитъ, однако,—если повторимъ наше сравненіе,—выступать, покидая свои неприступныя твердыни, на борьбу со врагами въ заранѣе избранное, въ качествѣ, конечно, наиболѣе для нихъ удобнаго, и занятое ими поле,—гдѣ успѣхъ борьбы съ ними болѣе сомнителенъ и во всякомъ случаѣ—менѣе плодотворенъ.

Въ настоящемъ разсужденіи о возможности и значеніи научно художественнаго изображенія Господа нашего Иисуса Христа мы и надѣмся дать отвѣтъ на предложенный вопросъ, потому что *творческое возсозданіе человекомъ пресвѣтлаго духовнаго образа Богочеловѣка и составляетъ, по нашему мнѣнію, главную, основную задачу богословской науки*,—ея средоточіе и высшую цѣль.

Если цѣль всякой науки есть познаніе предмета ея, то высшая цѣль богословской науки есть то *познаніе Сына Божія*, Спасителя міра, о которомъ говорить ап. Павелъ въ посланіи къ Ефессяамъ (IV, 13) какъ конечной цѣли существованія на землѣ Церкви Христовой.... Намъ должно—1, доказать, что это *познаніе Сына Божія*, необходимо предполагающее творческое возсозданіе Его образа человекомъ, не только возможно, но и прямо предполагается основной идеей христіанства, и 2—показать границы чело-вѣческаго творчества въ данномъ случаѣ и необходимыя условія его.

1.

Всякая наука должна быть точною копіей своего предмета. Итакъ, прежде чѣмъ доказывать, что въ центрѣ бого-

словской науки долженъ стоять творчески возсозидаемый образъ Христа, должно опредѣлить, что составляетъ духовный центръ самого христіанства.

Перенесемся мысленно къ тому величайшему и знаменательнѣйшему движенію въ человѣчествѣ, которое отдѣлено отъ насъ далью уже многихъ столѣтій; оно всѣмъ извѣстно; оно подвергалось тщательнѣйшему и всестороннему изученію,—но вмѣстѣ съ тѣмъ оно никогда не перестанетъ привлекать къ себѣ общее благоговѣнное вниманіе время и народовъ. Это величайшее и безпримѣрное движеніе есть побѣдоносное распространеніе христіанства въ мірѣ и обновленіе послѣдняго, торжество воссозидающей и всеобновляющей вѣры надъ всеразрушающимъ невѣріемъ и скептицизмомъ. Кто не знаетъ всей силы послѣдняго зла?.. Кому неизвѣстно, что при встрѣчѣ вѣры съ невѣріемъ, гораздо болѣе опасности измѣнить себѣ грозитъ вѣрѣ, чѣмъ невѣрію,—что уму, уже отравленному сомнѣніемъ, вѣра, при всемъ сознаніи спасительности ея, — трудна и часто притомъ до полной невозможности, подобной невозможности возвращенія для искушеннаго уже жизнию человѣка—къ поэтическимъ преданіямъ дѣтства. Постоянно наблюдающіеся примѣры, особенно частые въ наше именно время, когда люди страстно жаждутъ вѣры и терзаются сознаніемъ безсилія вновь возстановить утерянную способность ея,—достаточно подтверждаютъ эту печальную истину. Что же было то, что дало силу вѣрѣ къ побѣдѣ надъ невѣріемъ въ древне-классическомъ мірѣ въ эпоху перваго распространенія христіанства?... Что заставило этотъ высокоразвитый міръ, въ лицѣ Пилата представшій Христу съ насмѣшливымъ вопросомъ: что есть истина? — подчиниться затѣмъ „буйству проповѣди“ Его апостоловъ и учениковъ?..

Много обыкновенно предлагается объясненій быстрого распространенія христіанства на землѣ, но обыкновенно же, при этомъ, причинамъ внѣшнимъ дается болѣе значенія, чѣмъ должно. Когда говорятъ о разложеніи античнаго міра, о разрушеніи многовѣковыхъ вѣрованій язычества, о страстномъ исканіи свѣта народами: все это безспорная истина, но далеко еще не въ этомъ существо дѣла ¹⁾. Повторимъ,

¹⁾ Это должно сказать, напр., о трудѣ М. Корелина „Изложеніе античнаго

что отъ самаго страстнаго искапія вѣры до вѣры дѣйствительной—еще далеко; стремленіе можетъ остаться и неудовлетвореннымъ; привить и возбудить вѣру искусственно—нельзя, если за вѣру не принимать, впрочемъ, самообольщенія.

И если, далѣе, какъ на причины быстраго побѣдоноснаго распространенія христіанства указываютъ на объединеніе народовъ подъ властію Рима, на удобство путей сообщенія въ тогдашнемъ мірѣ и т. д.: то, при всей справедливости этихъ сужденій и серьезномъ значеніи ихъ, для всецѣлаго объясненія безпримѣрнаго успѣха христіанства они еще менѣе достаточны. Значеніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ—самое дальнестепенное; это были условія, *облегчавшія* успѣхъ христіанства, но никакъ *не создавшія* его: этими же самыми условіями, помимо христіанства, могло воспользоваться и всякое другое религіозное ученіе.

Не въ случайномъ и не во вѣишемъ чемъ-либо должна была лежать причина такого явленія, какъ великая побѣда христіанства,—тѣмъ болѣе, что и самое христіанство ближайшимъ образомъ вѣдаетъ внутреннюю жизнь человѣческаго

міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Полит. Музеѣ. СПб. 1895), хотя его прямой задачей и было *„выясненіе причинъ побѣды новой религіи, поскольку онѣ заключались въ психологическія условія эпохи“* (ст. 5). Но странно говорить о частностяхъ, не выяснивъ цѣлаго: какъ понять причины побѣды христіанства, заключавшіяся въ психологическія условія эпохи, если не указаны психологическія основы постоянного господства его надъ умами и сердцами человѣческими?.. А послѣдняго совершенно и не сдѣлано въ книгѣ г. Корелина, подробно и ясно изобразивъ внутреннюю несостоятельность всѣхъ формъ античнаго міросозерцанія и разочарованіе въ немъ тогдашняго человѣчества, онъ совсемъ не указавъ, въ чемъ была внутренняя сила смѣнивагого его новымъ міросозерцаніемъ, т. е. христіанства. Между тѣмъ, вполне очевидно, что паденіе самого античнаго міросозерцанія объясняется не столько его внутреннимъ разложеніемъ, сколько силой и жизненностью смѣнившей его новой религіи. Правда, г. Корелинъ не мѣстачъ веколыъ говорить и о внутреннемъ величіи христіанства (стрр. 4—5; 65; 133; 153—161), но далѣе обычныхъ фразъ о высотѣ его догматики и чистотѣ его нравств. ученія онъ не идетъ; „новая религія“ въ его изображеніи вовсе не представляетъ того предлагаемаго имъ самимъ, — „противупоставленнаго античному идеалу, стройнаго нравственнаго идеала, который отчасти рѣшительно отрицалъ, отчасти существенно видоизмѣнялъ въ стороны языческой культуры“.

духа. И вопросъ прежде всего должно ставить о томъ, — что въ самомъ христіанствѣ было такого, что обезпечивало ему столь быстрый успѣхъ?.. Иначе говоря: гдѣ лежала тайна непреоборимаго вліянія его на умы и сердца?.. Что влекло къ себѣ въ немъ человѣчество?..

Не будемъ говорить здѣсь о дѣйствіяхъ Божественной благодати, невидимыхъ и не постижимыхъ для человѣка; не станемъ кратко, но непонятно отвѣчать на вопросъ и въ томъ смыслѣ, что христіанство есть истина и, какъ истина, естественно побѣдило язычество. Кому же не извѣстно, что далеко не всегда истина столь легко побѣждаетъ, что часто даже напротивъ: чѣмъ истина выше, тѣмъ медленнѣе, хотя, быть можетъ, и вѣрнѣе побѣда ея въ сознаніи людей... И истина самого христіанства предъ глазами человѣчества раскрывается постепенно, постепенно развивая само человѣчество къ возможно полнѣйшему своему усвоенію. Слѣдовательно, чтобы христіанство одержало великую и быструю свою побѣду надъ міромъ, недостаточно было того, что оно — истина: подлежало, чтобы эта истина была особаго рода, чтобы въ религіи Христа таилась нѣкоторая особая сила притяженія, чтобы эта религія отвѣчала на существеннѣйшіе запросы человѣческаго духа. Иначе говоря, вопросъ должно ставить *о психологическихъ основахъ христіанства*: должно обратиться къ психологіи народовъ, съ неуправимою силою устремившихся на зовъ христіанства. Что нѣтъ влекло къ себѣ въ немъ?.. Что дало вѣрѣ торжество надъ невѣріемъ?.. Пбо, повторимъ, для побѣды надъ невѣріемъ, кромѣ жажды вѣры, должно жить въ душѣ нѣчто высшее, могущественнѣйшее, — должна быть почва, на которой съ непобѣдимой силой развилось бы сѣмя вѣры, заглушая всѣ плевелы невѣрія, заставляя человѣка забыть всѣ сомнѣнія, разсѣвая въ душѣ его ихъ ядовитую атмосферу.

Такую, несомнѣнно вѣрную точку зрѣнія на предметъ принимаетъ *Эдуардъ Гартманъ*, но односторонне стремясь все подогнать подъ принципы своей философіи, онъ не могъ придти къ правильному рѣшенію вопроса, не смотря на правильную постановку его. Христіанство побѣдило, по его мнѣнію, благодаря неискоренимому стремленію человѣка къ счастью; въ этомъ стремленіи человѣчество необходимо обольщается иллюзіями. Христіанство и было одною изъ

стадій иллюзій,—именно вторую, представлявшую счастье, блаженство для человѣка осуществимымъ въ жизни загробной. Въ этомъ и была сила христіанства, давшая ему побѣду надъ міромъ: хотя,—утверждаетъ Гартманъ,—философія Греціи и Рима и стояла на той ступени развитія, на которой подобныя мечтанія должны были уже представляться несбыточными и нелѣпыми ¹⁾; однакоже, настолько велика жажда счастья въ человѣчествѣ, что проповѣдь христіанства, звавшая человѣка отъ скорби этой жизни къ блаженству жизни загробной, увлекла за собою міръ.

Таково предположеніе Гартмана. Но припомнимъ, что ученіе о жизни загробной не впервые возвыщено было христіанствомъ, что религія Египта, напр., уже отличалась подробнымъ раскрытіемъ этого ученія, составлявшего—въ нравственномъ особенно отношеніи—какъ бы ея средоточіе. Не отрицая, что представленіе загробнаго блаженства сильно и влекло, и влечетъ къ себѣ человѣчество, мы считаемъ это представленіе въ большей или меньшей степени общимъ для всѣхъ религій міра: гдѣ же основанія думать, что именно оно способствовало торжеству христіанства?.. Въ христіанствѣ этотъ догматъ даже и не раскрытъ подробно: неуживися, что будемъ,—пишетъ одинъ Апостолъ; человѣку не лѣтъ есть и глаголати тѣ неизреченны глаголы, въ которыхъ выражается содержаніе жизни по ту сторону бытія,—свидѣтельствуетъ другой. И если, тѣмъ не менѣе, въ христіанствѣ болѣе, чѣмъ въ какой л. другой религіи, наблюдается стремленіе отъ земли къ небу, отъ этой жизни—къ иному бытію: то это само, какъ мы и увидимъ ниже, есть уже слѣдствіе нѣкоторой великой идеи, лежащей въ основѣ христіанства, дающей ему силу и жизнь. И отъ этой то великой идеи зависѣло и быстрое распространеніе его на землѣ.

Или, выходя изъ основныхъ началъ философствованія Ницше, допустить, что въ дѣлѣ распространенія христіанства преимущественное значеніе имѣло его нравственное ученіе, отвѣчавшее слабости человѣческой природы, привлекавшее

¹⁾ Такое отношеніе къ вопросу о безсмертіи въ тогдашней философій подтверждается и Св. Писаніемъ: припомнимъ проповѣдь ап. Павла въ афинскомъ ареопагѣ и ея вожжающее заключеніе.—Дѣян. XVII, 32.

всѣхъ немощныхъ или судьбою обиженныхъ людей своею проповѣдью любви, снисхожденія и всепрощенія?.. Но эта „мораль стадныхъ животныхъ“, по воззрѣнію Ницше, мораль слабости и немощи-высочайшимъ идеаломъ своимъ имѣетъ Иисуса Христа и немыслима безъ этого идеала. А если это такъ, то это уже не „рабская“ мораль, не мораль немощныхъ и слабыхъ: это высокая проповѣдь о безконечной силѣ духа, о безграничномъ мужествѣ, о томъ благородствѣ, если здѣсь уместно это слово, — выше котораго нѣтъ ни чего въ мірѣ. И если Ницше называетъ христіанскую нравственность моралью стадныхъ животныхъ потому, что она, будтобы, задерживаетъ и пригнетаетъ развитіе человѣческой личности и вся какъ бы направлена противъ появленія въ обществѣ личностей выдающихся, исключительныхъ по силѣ духа (какъ грозящихъ безопасности общества — стада): то достаточно вспомнить вновь, что идеаль христіанской нравственности, — Богочеловѣкъ Христосъ, — есть непримѣрная личность на протяженіи всей исторіи человѣчества, безмѣрно возвышающаяся надъ всѣмъ человѣческимъ обществомъ, какъ не возвышался никто ни—до Него, ни—послѣ Него,—и этого нельзя отрицать, даже съ точки зрѣнія Ницше, т. е. видя во Христѣ только человѣка. Не Христосъ могъ призывать человѣка къ жалкой безличности, къ роли лишь стаднаго животнаго... И мы знаемъ, что на его призывъ изъ среды человѣчества вышли люди, столь великіе духомъ, столь богатые индивидуальною мощью, что за вызвавшимъ ихъ появленіе христіанствомъ по всей справедливости должно признать, наоборотъ, особую силу, способствующую развитію индивидуальности.

Правда, христіанская нравственность легка для человѣка, о чемъ и сказалъ самъ Законодатель ея: иго Мое—благо, и бремя Мое легко есть; но легка не сама по себѣ, какъ предполагается ученіемъ Ницше; напротивъ — никогда не было слышно требованій выше и строже, чѣмъ какія она предъявила человѣку, — и ея легкость опредѣляется вновь лишь зависимостью отъ той великой идеи, которая лежитъ въ основѣ всего христіанства.

Говорятъ также,—и это обычно, — что христіанство въ высшей степени удовлетворило всѣмъ запросамъ человѣческаго духа: это справедливо, но не только не рѣшаетъ во-

проса, а и еще болѣе затруднить его. Замѣчательно и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—тврдо установленъ, однако, тотъ фактъ, что лучшіе умы того времени сами уже доходили до тѣхъ высокихъ истинъ, какія возвышены были міру христіанствомъ. Ученіе о Богѣ единомъ, безконечномъ, всеблагомъ Отцѣ людей—уже проповѣдано философами. Богооткровенное ученіе о Немъ путями Промысла, чрезъ разсѣянный по всѣмъ концамъ вселенной народъ еврейскій, еще болѣе должно было прояснить сознаніе людей о Немъ. Въ области нравственнаго ученія стоики и эпикурейцы,—послѣдніе, конечно, въ первое время своего появленія, — учили замѣчательно сходно съ христіанствомъ,—хотя и выходили изъ совершенно другихъ, конечно, началъ. Что же было въ христіанствѣ новаго, сравнительно съ іудействомъ и съ передовымъ умственнымъ и нравственнымъ движеніемъ въ язычествѣ, что привлекло къ нему людей?.. Какимъ запросамъ и потребностямъ человѣческаго духа въ высшей степени удовлетворило оно, когда уже можно было найти такое удовлетвореніе и помимо его?.. Что, наконецъ, не идея Мессіи, столько лѣтъ питавшая духовную жизнь народа іудейскаго, имѣла здѣсь значеніе, это, вопреки мнѣнію *Баура*, достаточно видно изъ того, что мессій было много (Дѣян. V, 35 sqq), а Христосъ—одинъ, и изъ того, что въ стремленіи къ христіанству язычники не только не уступали іудеямъ, но и упреждали ихъ. Насколько, далѣе, искажена была въ іудействѣ самая идея Мессіи, достаточно извѣстно всѣмъ, и іудеи, дѣйствительно, были первыми и ожесточеннѣйшими гонителями христіанства.

Нѣтъ. Основа движенія была глубже. Не іудейскимъ только чаяніямъ отвѣчала идея христіанства, а общечеловѣческимъ; не іудейству только была понятна она, а — и язычеству. Вѣрно то, что не внѣшнія обстоятельства: не состояніе язычества, не состояніе римскихъ дорогъ, дало побѣду христіанству: великая побѣда, побѣдившая міръ, была воистину сама вѣра паша, — само христіанство, во внутреннѣйшей сущности своей, въ идейномъ своемъ содержаніи. Но невѣрно то, чтобы эта внутреннѣйшая сущность, непреодолимо влекущая къ нему всегда умы и сердца, сводилась къ призыву челоѣчества отъ земли къ небу, отъ здѣшней жизни — къ инобытію, или —

къ его нравственному ученію, въ томъ или другомъ смыслѣ отвѣчавшему требованіямъ нравственной природы человѣка. (Въ какомъ именно смыслѣ, — объ этомъ пока оставимъ споръ). Неясно также и совсѣмъ какъ будто даже странно, какъ мы видѣли, значеніе христіанства, какъ ученія, отвѣчавшаго всѣмъ потребностямъ человѣческаго существа. Всѣ отвѣты на нихъ, повидимому, уже были даны, а мало ли было системъ экклектическихъ, ставившихъ себѣ цѣлью — объединить эти отвѣты?.. Но всѣ они успѣха не имѣли и были даже странны съ своими претензіями.

Все это лишь частности: гдѣ было цѣлое?.. Точнѣе — все это лишь слѣдствія: гдѣ же была главная причина?..

Азъ есмь путь, и истина, и животъ, — сказали о Себѣ Спаситель. Кто, кромѣ Его, могъ сказать это *Азъ есмь*?.. Никто. Ни одинъ основатель религій, ни одинъ пророкъ, законодатель, вождь.

И это: *Азъ есмь* Спасителя и есть основная, зиждущая идея христіанства: ею оно отличается отъ другихъ религій, какъ Самъ Господь — отъ основателей этихъ религій. *Христіанство — это Самъ Христосъ*, прежде всего.

Но Христосъ — это не идея, а лишь совершеннѣйшее осуществленіе безконечной идеи; самая же идея, зиждущая христіанство, есть — *Богочеловѣкъ*. *И этой своей идеей оно побудило міръ*.

Это была, дѣйствительно, идея новая, неизвѣстная, никогда и нигдѣ болѣе, кромѣ христіанства, не возвѣщавшаяся; она составляла и составляетъ отличительное содержаніе христіанства, выделяя его, до невозможности всякаго сравненія, изъ ряда всѣхъ другихъ религіозныхъ, философскихъ и нравственныхъ ученій. Новая и единственная сама, она и всему ученію христіанскому сообщаетъ смыслъ новизны и исключительности. Все въ христіанствѣ для человѣчества и ново, и старо въ одно и тоже время: и знакомо ему, и — полно непостижимой премудрости, величія, дивной, несравнимой красоты и — главное — ненормальнаго обаянія, чему подобнаго не было на землѣ, — смотря по тому, разсматривается ли все само по себѣ, или — въ соединеніи съ идеей Богочеловѣка и въ связи съ ученіемъ о совершенномъ осуществленіи этой безконечной идеи, Господѣ Иисусѣ Христѣ.

По частямъ, — допустимъ, — можно все ученіе христіанства находить въ религіозныхъ и философскихъ ученіяхъ тогдашняго міра; даже догматъ о Троицѣ, напр., не безъизвѣстенъ былъ тогда уже раввинамъ и александрійской теософіи. Возьмемъ ли догматъ о паденіи, о міровомъ злѣ? — Но религія Индіи шла еще далѣе и на самое бытіе учила смотрѣть, какъ на зло. Догматъ объ искупленіи? — Но, вѣдь, всѣ религіи въ томъ и видѣли свою цѣль, чтобы привести человѣка въ общеніе съ Божествомъ, снискать прощеніе отъ Него и Его благоволеніе; въ предлагаемыхъ ими для этой цѣли средствахъ, начиная со всевозможнаго рода жертвъ и кончая суровѣйшимъ аскетизмомъ, — недостатка не было.

Но еслибы и положительно было доказано, что въ христіанствѣ, кромѣ ученія о Богочеловѣкѣ, Спасителѣ міра, нѣтъ ничего новаго, имъ впервые возвѣщеннаго міру, — истина божественнаго происхожденія его нисколько не потеряла бы въ степени своей несомнѣнности. И если бы кто подумалъ, что христіанство есть только болѣе или менѣе удачное механическое соединеніе заимствованій изъ ученій тогдашняго міра, одна изъ вышеупомянутыхъ системъ экклесіизма, тотъ поистинѣ оказался бы слѣпцомъ, не видящимъ главнаго въ предметѣ. Что все въ христіанствѣ старо, — это и естественно, ибо самое христіанство въ высшей степени человѣчно, а человѣчное для человѣка не можетъ быть новымъ. Но все и ново, все и несравненно возвышено надъ человѣческимъ, поскольку основа для всего — Богочеловѣкъ Христосъ.

Что Богъ есть, что Онъ безконечно совершенъ, безконечно благъ, — человѣчество знало, но подражаемыми совершенства Божіи стали для человѣка во Христѣ. Правда, и въ В. Завѣтѣ была заповѣдь: святы будьте, яко Азъ святъ есмь, Господь Богъ вашъ (Лев. XIX, 2), *но что такое святость?*... Отвѣтомъ на это былъ законъ. И только Христосъ Спаситель могъ заповѣдать: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный, — не налагая на людей закона: законъ уже былъ не нуженъ. Человѣчество и безъ него теперь знало, что такое совершенство Божіе, къ подражанію которому оно призвано: Самъ заповѣдавшій былъ Богочеловѣкомъ.

И что любить ближняго должно, человѣкъ зналъ, и не только зналъ, но и всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, но истинная любовь и жизнь на ней построенная стали возможны только во Христѣ. И опять—потому, что Онъ—*Богочеловѣкъ*, что Онъ—святыня человѣческой любви, и всякая любовь Имъ посредствуется и прежде всего къ Нему направляется. Немудрено и совершенно даже естественно, что, Его теряя изъ виду, люди обезцѣниваютъ значеніе любви, самоотверженія, всепрощенія, и видятъ въ нихъ, подобно Ницше, добродѣтели лишь низшаго разряда. Но это лишь новое, сильное подтвержденіе той истины, что христіанство безъ Христа невозможно, — невозможна, въ частности,—и заповѣданная Имъ любовь.

И чаянія жизни загробной всегда присущи человѣчеству, но всецѣло отъ земли къ небу, отъ этой жизни къ жизни потусторонней его могъ обратить только Богочеловѣкъ Христосъ, силою любви къ Себѣ. Безъ Него — мрачны и страшны области загробнаго бытія. Не къ нимъ стремится христіанинъ, а къ Богочеловѣку Христу, взошедшему на небеса предтчею о насъ и богочеловѣческимъ восшествіемъ Своимъ сдѣлавшему для человѣка своимъ небесное жилище. (Отсюда—глубокій смыслъ, неясно обычно раскрывающійся, о значеніи посаженія человѣческаго естества Христа одесную Бога Отца). Не сама по себѣ влечетъ къ себѣ человѣка загробная жизнь, а потому, что, разрѣшившись отъ узъ земной жизни, онъ вѣруеть тамъ со Христомъ быти. И самъ Христосъ Спаситель въ Прощальной Бесѣдѣ Своей говорилъ Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всему вѣрующему человѣчеству: пойму вы къ Себѣ, да идѣже есмь Азъ, — и вы будете... Не просто на небо, къ Отцу, а—къ Себѣ, и вы будете не только въ великомъ Отчемъ домѣ, въ обителяхъ райскаго блаженства, но главное—со Мною: *идѣже есмь Азъ и вы будете...*

И такъ-все. Все ново въ христіанствѣ чрезъ соединеніе съ идеей Богочеловѣка, съ ученіемъ о совершенномъ ея воплощеніи—Христѣ. И чрезъ это соединеніе все дѣлается не только новымъ, но и живымъ: что было фразой, теоретическимъ сужденіемъ, мертвой буквой до христіанства, то неодолимой силой явилось въ христіанствѣ. И все, что и прежде было уже извѣстнымъ, что уже сказано было осно-

вателями и преобразователями религій, философи, законодателями,—то все, вновь сказанное Христомъ, неразрывно связывается съ Его именемъ, считается *Его* ученіемъ, *Имъ* впервые возвышеннымъ. И справедливо. Ибо Онъ сказалъ слово живое, а прежде говорились слова мертвыя; живое слово было похоже на мертвое, но лишь по вѣшнему виду, какъ походить трупъ на человѣка. А мертвое слово есть ничто, звукъ пустой и преходящій. Таковы и были слова философовъ и другихъ учителей человѣчества въ отношеніи словъ Христа ¹⁾.

¹⁾ Наоборотъ: не признавая Богочеловѣка Христа, какъ всеживляющаго центра христіанства, можно ли ученіе Его приписывать Ему одному, связывать съ Его именемъ... А между тѣмъ—совершенно такъ и поступаетъ гр. *Л. Толстой*. Сводя едва не все Евангеліе къ одной нагорной проповѣди, а Христа почитая лишь гениальнымъ въ религіозномъ отношеніи человѣкомъ, онъ рѣшительно упускаетъ изъ виду, что ровно ничего даже „гениальнаго“ въ такомъ случаѣ въ христіанствѣ нѣтъ, что и Христосъ когда былъ только просто благочестивымъ человѣкомъ, изрекшимъ нѣсколько сентенцій религіозно-нравственнаго содержанія, не безызвѣстныхъ, впрочемъ, и безъ Него и даже, быть можетъ,—ходячихъ. Такъ о. Влад. Гетте принужденъ былъ возражать Ренану, доказывавшему заимствование нравственнаго христіанскаго ученія изъ книгъ В. Завѣга и Таалмуда (*Réfutation de la prétendue Vie de Jesus par M. E. Renan. Paris 1863 Part. II, p. 220.*—Въ книгѣ Ковинингема Гейкля: *Жизнь и ученіе Христа*,—переводъ св. М. Овсенскаго, Москва, 1893,—указаны, дѣйствительно, многія ходячія въ то время сентенціи,—пословицы и притчи: онѣ захватительно близки изреченіямъ Спасителя или прямо даже представляютъ буквально съ ними сходство. См. выпускъ I, стр. 212—213).—Нечаянное недоразумѣніе!.. Да развѣ хотя одно слово той же нагорной бесѣды значить что-либо само, въ отрѣшеніи отъ Лица сказавшаго ихъ?... Развѣ не говорено было того же и прежде? Развѣ не вся сила въ той власти, съ которой говорилъ Сей Человѣкъ: развѣ не отъ необычайности Его Лица исключительно зависить и необычайность Его ученія?... Толстой, какъ и ему воспевающая дионисіада наша печаль, пресмыкающаяся предъ громкимъ именемъ, никакъ не желаютъ понять, что имя Христа къ тому ученію, которое выдается у нихъ за христіанское, присоединяется чисто вѣшнымъ образомъ, безъ достаточныхъ основаній, что Христу оно можетъ быть приписано въ той же мѣрѣ, какъ и Буддѣ (Буддѣ—особенно), любому стойку, эпикурейцу или просто гуманисту нашихъ дней. И о „гениальности“ Его въ такомъ случаѣ говорится напрасно и лицемерно: ничего даже и человѣчески-гениальнаго при такомъ возрѣніи Онъ Собой не представляетъ, повторяя лишь общія фразы о любви, милосердіи, прощеніи и т. д. И тѣмъ, вновь, была обусловлена великая побѣда христіанства?... Что не толстовская идея „непротивленія злу“, столь усердно приписываемая имъ Христу (у гр. Толстого именно эта идея возвышаетъ Христа въ разрядъ религіозныхъ гениевъ), была, во

Великая идея богочеловѣчества дала имъ силу и жизнь. Мы сказали уже, что явленіе Христа въ міръ было испол-

всюкомъ случаѣ, причиной этой побѣды, ясно изъ того, что, по представленію самого г-р. Толстого, эта идея оживляется и проявляется въ сознаниіи людей лишь генеръ,—чѣмъ же двигались массы народныя, когда онѣ неудержимо стремились къ христіанству, не въ состояніи будучи еще, однако, усвоить эту основную (якобы) идею его?.. (Говорить о дѣйствительномъ смыслѣ заповѣди Спасителя о непротивленіи злу въ данномъ случаѣ не входитъ, конечно, въ нашу задачу).

Между тѣмъ, живіе г-р. Толстой сдѣлалось ходячимъ. Ему же принадлежитъ противоположеніе Паторной бесѣды Инквизитскому символу, по замѣчанію кн. Трубецкого (Вопрос. Филос. и Психол. 1895. Сентябрь: Этика и догматика) сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ по своей пагубности (стр. 490). Самъ кн. Трубецкой, вѣрно замѣтивъ, что—„оригинальность нравственнаго ученія Христа, его несравненная чѣстность и законченность обуславливаются тѣмъ единымъ и совершенно новымъ, чисто религіознымъ основаніемъ, которое Онъ далъ нравственной жизни, установивъ въ Своемъ лицѣ *новое отношеніе къ Богу и къ міру*“,—и столь же вѣрно указавши, что это—„новое отношеніе къ міру и къ Богу опредѣляется въ Евангеліи терминами: Сынъ Божій, царство Божіе“,—и что—„другимъ богословскимъ терминомъ можетъ служить позднѣйшій терминъ. Богочеловѣкъ, т. е. такой человѣкъ, который есть въ тоже время и Богъ“ (стр. 491),—не опредѣляетъ того простаго (раскрываемаго нами) значеніе, какое для ученія Христа имѣло Его Богочеловѣческое достоинство не горючею о любви къ Нему, какъ величайшей силѣ христіанства, и, влѣвъ въ то, „идеальныя требованія христіанской этики“ опредѣляетъ въ такомъ, чисто философскомъ, а не христіанскомъ (въ указанной противоположности ихъ) смыслѣ: „*дѣйствующъ такъ, чтобы Богъ, въ которомъ ты существуешь, являлся въ твоемъ дѣйствіи реальнѣе міра и твоей собственной души*“ (стр. 493).—Что здѣсь не въ словахъ только дѣло,—доказываетъ странная излагаемая дальѣ мысль: „кажется, что нѣкоторые богословскіе опредѣленія Христа могутъ и должны быть признаны даже независимо отъ того, вѣрны ли мы въ Бога или нѣтъ: они вѣрны въ психологическомъ, въ субъективно-нравственномъ смыслѣ: они выражаютъ исторически вѣрно основной фактъ христіанскаго самосознанія. Таковы вышеуказанные терминъ: Сынъ Божій и Богочеловѣкъ“ (стр. 493—504). Должно утверждать обратное: только дѣйствительный Богочеловѣкъ могъ, чрезъ самое явленіе свое, сознание человѣчества возвысить до идеи Богочеловѣчества и—просвѣтить ею,—какъ Онъ же только могъ создать христіанство, вѣчную и міровую религію, во всемъ величіи ея и силѣ, ибо только при исторической дѣйствительности лица Его, возможна и та любовь къ Нему, которая для этой религіи—все.

Это блестяще раскрытъ извѣстный ученый историкъ А. Гарнакъ въ своей рѣчи: *Das Christenthum und die Geschichte*. Leipzig 1896 2-te Aufl. „Только объ Одною (религіозномъ учителѣ) мы знаемъ, что Онъ глубочайшее смиреніе и чистоту воли соединялъ съ притязаніемъ—быть болѣе, тѣмъ всѣ пророки, которые были претъ Нимъ: Сыномъ Божіимъ Только о Немъ

неніемъ чаяній не только мессіанскихъ, іудейскихъ, а—и общечеловѣческихъ, и языческихъ. Человѣчество ждало Его; ждало съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ разгнѣванный грѣхомъ человека его небесный Отецъ удалился отъ него и предоставилъ ему ходить своими путями. Прежде въ непосредственномъ общеніи съ Богомъ пребывавшій, человекъ началъ теперь томиться страстною духовною жаждою этого общенія; но въ омраченномъ сознаніи своемъ онъ не находилъ уже Бога и, влекомый страстнымъ желаніемъ своимъ, началъ входить, какъ съ Богомъ, въ тѣснѣйшее общеніе съ кумирами, ихъ принимая за Бога. Бездушные предметы онъ разсматривалъ, какъ себѣ подобныя существа, хотя и высшія. Такъ поступалъ онъ и потомъ, когда возвысившись надъ тщетою идоловъ въ ихъ непосредственности, онъ за ними началъ видѣть дѣйствіе существъ духовныхъ. На всѣхъ ступеняхъ своего духовнаго развитія человекъ неуклонно стремился къ человекѣобразному представленію о Божественной жизни, т. е. къ тому идеалу, совершеннѣйшимъ осуществленіемъ котораго является Богочеловѣкъ Христосъ. Въ этомъ смыслѣ человѣчество всегда стремилось къ Богочеловѣку и ждало Его. Источникомъ же самого стремленія къ человекѣобразному представленію Бога служило

мы знаемъ, что тѣ, которые съ Нимъ ѣли и пили, прославляли Его, не только какъ Учителя, Пророка и Царя, но и въ особенности—какъ Князя жизни, какъ Спасителя и Судію міра, какъ живую силу ихъ бытія („живу не ктому азъ, но живеть во мнѣ Христосъ“),—и что вскорѣ вмѣстѣ съ ними іудеи и язычники, мудрые и немудрые научились черпать „благодать воз-благодать“ изъ полноты этого единственнаго Человѣка. Это обстоятельство, ясное какъ день, есть единственное въ своемъ родѣ въ исторіи и оно требуетъ, чтобы фактъ Личности, которая лежитъ въ его основаніи, была разсматриваемъ, какъ также единственный въ своемъ родѣ“ (S. 10). Противъ дѣйствительности этой Личности ничего не можетъ сказать историческая (раціоналистическая) критика, если она и подвергаетъ сомнѣнію отдѣльные евангельскіе факты, ибо—„духовное содержаніе цѣлой жизни, личности,—также есть историческій фактъ, и подтвержденіе своей достовѣрности онъ имѣетъ въ томъ дѣйствіи, какое производить“ (S. 18).

Должно замѣтить, что и о. Fette въ названномъ трудѣ своемъ: *Réfutation de prétendue Vie de Jesus de M. E. Renan* (Paris 1863), въ опроверженіе мнѣнія Ренана о заимствованіи христіанскаго нравственнаго ученія изъ книгъ В. Заѣбта и Тагмуда, говоритъ только о „большой жизненности и возвышенности“ перваго претъ ученіемъ послѣднихъ (Part. II, p. 220). Убѣдительно ли это,—особенно въ отношеніи съ Ренаномъ?...

жившее въ душѣ челоуѣка, хотя и неясное, сознаніе того, что онъ, какъ учить китайская религія, божескаго рода, или, по ученію религіи египетской, рожденъ въ дому Озириса. Такъ какъ полное общеніе возможно только между подобными, и челоуѣку чуждъ бы былъ Богъ, Котораго онъ не понималъ,—такъ какъ, далѣе, только челоуѣкоподобная жизнь доступна пониманію челоуѣка ¹⁾, то отсюда-то съ низшихъ и до высшихъ ступеней развитія религіозныхъ воззрѣній челоуѣчества и наблюдается стремленіе къ представленію жизни Божества въ формахъ челоуѣкообразныхъ, доколѣ это не достигло высшаго осуществленія въ антропоморфизмъ греко-римской религіи.

На этой высшей ступени религіозной жизни древности сказанія о богахъ и богиняхъ развились въ обширнѣйшую міеологію, потную всевозможныхъ бредней и небылицъ. Трудно понять, какъ могъ вѣрить челоуѣкъ всѣмъ языческимъ баснямъ, а между тѣмъ—имъ вѣрили, число ихъ разрасталось, новыя и новыя божества прибавлялись къ старымъ, и сказанія о богахъ все пополнялись. И когда происходило это?... Когда классическій міръ гордился высотой философскаго своего развитія, когда лучшіе умы давно уже мыслили Бога, какъ единаго, всесовершеннаго Отца всѣхъ: въ это то время міеологія изощряется въ представленіи все новыхъ и новыхъ божествъ, въ умноженіи числа сказаній о нихъ... Чѣмъ объясняется это явленіе?... Чѣмъ объясняется эта живучесть религіозныхъ преданій и эта безуспѣшность философскихъ идей о Божествѣ?... Въ этомъ, думается, особенно выразилось стремленіе къ тому, что дано въ христіанствѣ: не къ отвлеченному только, но и къ конкретному представленію Божества. Въ этомъ выразилось страстное желаніе, чтобы Богъ сошелъ съ неба, съ той высоты, гдѣ Онъ обитаетъ въ неприступной славѣ, и познанъ былъ бы людьми, какъ Богъ—свой для нихъ, какъ Богъ для нихъ близкій. Это было страстное стремленіе челоуѣчества; оно жило въ массахъ его,—и когда философы

1) Отсюда становится ясною знаменательность повѣствованія Бытописателя о томъ, что еще въ раю Богъ являлся первымъ людямъ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ—и именно, по истолкованію свв. Отцевъ, во образѣ челоуѣческаго.

вырабатывали все болѣе и болѣе чистое понятіе о Богѣ единомъ для всѣхъ, массы народныя, слѣдуя неодолимому влеченію сердца своего, создавали все новыя и новыя сказанія о Томъ, Кого близкимъ и понятнымъ себѣ онѣ столь желали видѣть... Философія, при всей убѣдительности своихъ доводовъ, не могла дать имъ того, чего они желали; она ничего не могла сказать людямъ о внутреннѣйшей жизни Божества, она Бога не дѣлала имъ близкимъ, — и люди вновь шли къ алтарямъ, въ которые наполовину уже не вѣрили, и внимали баснямъ жрецовъ, которыхъ уже презирали. Желанія не сбывались, и жалкій человѣкъ тѣшился фикціями. Не то, что Богъ единъ, совершенъ, безконеченъ, вѣченъ и т. д., нужно было знать народной массѣ, а то, чтобы Онъ близокъ ей сталъ, понятенъ, чтобы, какъ близкаго, можно было Его полюбить, Ему служить, съ Нимъ пребывать въ общеніи ¹⁾...

На дѣлѣ, такъ обр., оправдывалось то, что приближеніе къ Богу невозможно безъ пониманія Его жизни, и, съ другой стороны, что пониманіе ея для человѣка становилось возможнымъ при уподобленіи ся собственной его жизни. Въ ветхозавѣтной Богооткровенной религіи Самъ Богъ снисходилъ къ этой потребности человѣческаго духа. И вотъ въ самомъ божеств. Откровеніи наблюдается антропоморфизмъ, — хотя не по существу, а только по формѣ, — наблюдается сведеніе жизни Божественной въ формы жизни человѣческой. Здѣсь это

¹⁾ Поэтически-наивно это стремленіе человечества изображается — въ одной арабской поэмѣ, гдѣ встрѣчается такое поучительное сказаніе знаменитаго учителя Джелаледина. Однажды Моисей, странствуя по пустынямъ, встрѣтилъ пастуха, усердно молившагося Богу. И вотъ какою молитвою молился онъ: „О, Господи Боже мой, какъ бы знать мнѣ, гдѣ найти Тебя и стать рабомъ Твоимъ. Какъ бы хотѣлось надѣвать сандалии Твои, и расчесывать тебѣ волосы, и мыть платье Твое, и лобызать ноги Твои, и убирать жилище Твое, и подавать Тебѣ молоко отъ стада моего: такъ Тебя желаетъ мое сердце!“ Распался Моисей гнѣвомъ на такія слова и сказалъ пастуху: „ты богохульствуешь. Безтѣлесенъ Всевышній Богъ, не нужно Ему ни платья, ни жилища, ни присутія. Что ты говоришь, невѣрный!“

Тогда омрачилось сердце и пастуха, ибо не могъ онъ представить себѣ образъ безъ тѣлесной формы и безъ нужды тѣлесныхъ: онъ предался отчаянію и отсталъ служить Господу“... Московск. Сборн., 2-е изд. К. П. Побѣтоносцева, стр. 151 — 152.

не было заблужденіемъ, — однакоже, было именно только формой, подъ которой Божественная жизнь представлялась для того, чтобы стать понятной человѣку. Богъ не калялся, не гнѣвался, не говорилъ, не ходилъ, не имѣлъ ни устъ, ни рукъ, ни очей, ни ушей, — но Бога безъ всего этого человѣкъ не принялъ бы, и Богъ — гнѣвается и милуетъ, слушаетъ и говоритъ.... Всѣмъ этимъ потребность человѣческаго духа удовлетворялась, однакоже, несовершенно, а лишь въ той мѣрѣ, въ какой только было необходимо, чтобы люди не отвергли Откровенія. Правда, что самая возможность такого сведенія жизни Божественной въ формы жизни человѣческой говорила объ аналогичности той и другой, — говорила сердцу человѣка, что Богъ — Существо не чуждое ему, а сродное, хотя и безмѣрно возвышенное надъ нимъ, Которое поэтому онъ можетъ и долженъ любить, съ Которымъ онъ можетъ входить въ общеніе, пося въ самой природѣ духа своего образъ Его. Однакоже, ясно всегда божеств. Откровеніе говорило и о томъ, что всѣ человѣкообразныя выраженія о Богѣ суть именно форма, — и этой формѣ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ Божеств. жизни, безконечно высшей всякихъ конечныхъ формъ, еще не доставало, такъ сказать, *гипостаснаго* единенія.

Итакъ, до христіанства существеннѣйшей и неустранимой потребности человѣческаго духа — Бога не только мыслить Существомъ всесовершеннымъ, безмѣрно возвышеннымъ надъ міромъ и человѣкомъ и непостижимымъ, но — и понимать Его жизнь, представлять Его себѣ близкимъ, чтобы любить Его, чтобы сердцемъ къ Нему приближаться, — удовлетвореніемъ служили — въ ветхозавѣтной религіи — образы, а въ язычествѣ — созданія фантазіи самого человѣка, ложь о богахъ и богиняхъ. Человѣку недостаточно было однихъ образовъ (почему, какъ извѣстно, позднѣйшіе іудеи этимъ образамъ и придали смыслъ и значеніе реальные, представляя Іегову Божествомъ уже дѣйствительно человѣкообразнымъ и чувственнымъ), — еще менѣе могли удовлетворить его бредни язычества: человѣчество ждало пришествія на землю Бога, Которой въ высшей степени былъ бы ему понятенъ и близокъ. А это могло быть только въ томъ случаѣ, когда снисшедшій Богъ былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ,

и совершеннымъ человѣкомъ: *человѣчество ждало Богочеловѣка.*

И вотъ, во исполненіе страстного чаянія не одного, говоримъ, народа іудейскаго, но всѣхъ народовъ, всего человечества, является на землѣ Богочеловѣкъ Христосъ. Двойственность въ человѣческомъ представленіи о Богѣ совершеннѣйшее выраженіе и высшее примиреніе нашла себѣ въ догматѣ о Боговоплощеніи: то, что было заблужденіемъ въ язычествѣ, что лишь образомъ и сѣнью было въ іудействѣ, то—истиной и дѣйствительностью стало въ христіанствѣ: Богъ дѣйствительно былъ человѣкъ и жилъ среди людей. Онъ обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, Онъ имѣетъ непостижимые образы бытія, и вотъ — живетъ, какъ человѣкъ, на землѣ; Онъ невидимъ и непостижимъ, но—наши очи видѣли Его, и руки наши осязали Его; преміренъ, и міръ Тѣмъ бысть,—но Онъ и истинный Сынъ Человѣческій: Онъ человѣкомъ сталъ, не переставая быть Богомъ.

Дѣйствительно, христіанство въ высшей степени удовлетворило всѣмъ запросамъ человѣческаго духа, но почему?... Потому что удовлетворило главнѣйшему изъ нихъ, существеннѣйшему. *Съ нами Богъ, Эммануилъ*, возвѣстило оно міру. *Велія благочестія тайна!*.. Но какъ радостна она, какъ доступна и понятна она для непосредственнаго чувства человѣка. Едва пронеслась дивная вѣсть по землѣ, и земля содрогнулась: забыты ложные алтари, повержены кумиры, среди людей стоявшіе, но съ ними не жившіе; опустѣли философскія школы: всѣ устремились къ истинному Богу, дѣйствительно пожившему съ человѣки, какъ человѣкъ, — одною съ ними жизнью ¹⁾.

Но Богъ сошелъ на землю, не покидая небесъ и Богомъ быть не переставая: христіанство не свело Божественной жизни всецѣло и исключительно къ формѣ жизни чело-

¹⁾ Здѣсь основаніе къ общему сужденію о христіанствѣ, историзма, монофизитета и монофелитства, т. е. главнѣйшихъ христіанскихъ ересей.—Извѣстенъ также изъ исторіи религіозной мысли вопросъ: *est Deus homo?*—Начъ теперь совершенно ясно отгвѣтъ на него: *человѣчество именно Богочеловѣка искало и ждало во всей человѣческой исторіи своей; въ явленіи именно Богочеловѣка лежало единственное для него — не только догматическое, но—и нравственное: возмодѣль возсоединенія съ Богомъ въ союзъ любви, основанной на взаимоподобіи; — слѣдъ что Сынъ Божиій въ Ан. Навель говоритъ Евр. II 17—18.*

вѣческой; Богочеловѣчество не есть единственная форма бытія Бога. Возвѣщая о Богѣ, снисшедшемъ на землю, христіанство возвѣстило и о Богѣ, въ вѣчной славѣ на небесахъ пребывающемъ, ученіе, чище и выше котораго еще не слышала мѣръ. И вотъ—въ новой религіи воссоединились—и мудрецъ, уже мыслившій о Богѣ единомъ и премірномъ, и певѣжда, все еще упорно искавшій Его на землѣ, или на небѣ, представляемомъ, какъ земля. Прежде мудрецъ презиралъ певѣжественную толпу, а толпа его не понимала; онъ раскрывалъ ей чистое (въ возможной, конечно, для чело-вѣка степени) ученіе о Богѣ, а она ему не внимала и неслла свою жертву на алтарь презрѣнныхъ кумировъ. Нынѣ пало средостѣніе; всѣ примирены и объединены; всѣ удовле-лены буйствомъ евангельской проповѣди. Масса народная,—та толпа, которую столь презиралъ фѣлософъ, внимаетъ ученію о Богѣ, чистѣйшему и возвышеннѣйшему предъ вся-кимъ ученіемъ челоувѣческимъ, и — принимаетъ это ученіе, и съ восторгомъ устремляется вслѣдъ Возвѣстившему его.... почему? — Потому. что не въ далекія, невѣдомыя небеса лишь звала эта проповѣдь, а здѣсь же, на землѣ, открывала Образъ Бога невидимаго,—призывала къ Богочеловѣку, чтобы отъ познанія Его переходить къ познанію Бога, Иже на небесѣхъ.... И самъ мудрецъ, фѣлософъ, гордый позна-ніемъ своимъ, но и несчастный имъ, нынѣ позналъ, въ чемъ несчастіе его, нынѣ прозрѣлъ, почему не шла толпа народная за нимъ, чего ждала она, и какое великое пред-чувствіе истины жило въ ней. Въ ней, прежде презираемой имъ толпѣ, массѣ народной, онъ увидѣлъ нынѣ союзницу въ исканіи истины; они разошлись въ этомъ исканіи и нынѣ вновь примирены: онъ Бога искалъ на небѣ, она ждала Его на землѣ,—и вотъ Богъ, дѣйствительно живущій на небѣ, явился на землѣ. И прежде, какъ звукъ пустой, оглашавшій мѣръ высокія истины фѣлософскія, безотрадное достояніе немпогихъ, нынѣ, еще болѣе возвышенныя и одухотворенныя, стали дорогою собственностію челоувѣчества, сдѣлались доступными для всѣхъ, проникли въ народныя массы: чрезъ христіанство они легли въ основу умствен-наго и нравственнаго перерожденія челоувѣчества ¹⁾. То была

¹⁾ Отсюда — значеніе христіанства для цивилизаціи и культуры.

великая побѣда христіанства, дивившая и дивящая собою всѣхъ; преступно забвеніе ея въ сознаніи нашего времени. Намъ нынѣ понятна эта побѣда, ясны причины ея. Великая, неотразимая для человѣческаго духа сила была въ самомъ девизѣ христіанства: съ нами, бѣдными, слабыми людьми,—съ нами Богъ!.. Эммануиль родился отъ Дѣвы!.. Итакъ, какъ бы говорило христіанство: оставь, философъ, искать Бога въ далекомъ, безбрежномъ небѣ, свѣтомъ своимъ помрачающемъ глаза: ты самъ Его тамъ не найдешь, не постигнешь тайнъ Его жизни, не назовешь Его своимъ Богомъ, не въ состояніи будешь Его полюбить, — а безъ любви къ Нему — на что всѣ знанія о Немъ?.. Итакъ, оставь, жалкая, певѣжественная толпа искать себѣ Бога среди бездушныхъ кумировъ, созданныхъ твоими руками; не ищи Его на твоёмъ Олимпѣ, на этой небесной землѣ, заселенной твоими мечтами!.. Но всѣ идите къ Богу, пришедшему съ неба въ среду васъ; внимайте дивной тайнѣ: *Богъ явился во плоти*.... Его видѣли, Его слышали, Его осязали руками. Не случайно было явленіе Его на землѣ: Онъ и пришелъ, чтобы познали Его, Его благодать, Его любовь къ тѣмъ, которые отнынѣ стали братьями для Него. Онъ страдаетъ за всѣхъ всѣмъ понятными муками, и Ему понятны скорбь и радость людей. Все въ Немъ понятно до той степени, до которой захочетъ человѣкъ продолжить свое пониманіе приближеніемъ къ Нему: и все въ Немъ — одна любовь,—та любовь, которая, при сознаніи близости къ Нему и взаимопониманіи, рождаетъ отвѣтную, все существо человѣка захватывающую и всецѣло его удовлетворяющую, любовь....

Такъ во Христѣ для человѣка стало возможнымъ то знаніе о Богѣ, котораго столь страстно искали онъ въ стремленіи своемъ къ полному нравственному единенію съ Нимъ въ любви. И возможность такого, рожающаго любовь знанія открылась въ Богочеловѣкѣ не въ отношеніи только Сына, непосредственно воплотившагося, но и Отца, открывающагося чрезъ Сына. — и, слѣд., Бога вообще. Вотъ глубочайшій смыслъ отрывка изъ Прощальной Бесѣды Спасителя: „Иисусъ сказалъ (ему): Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Мо-

его.—Филиппъ сказалъ Ему: Господи! покажи намъ Отца, и довольно для насъ. — Иисусъ сказалъ ему: столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца"?.. (Іо. XIV, 6—9). Не случайнымъ и совѣмъ не неумѣстнымъ (какъ то многимъ представляется) былъ вопросъ Филиппа: это былъ въ послѣдній разъ вознесенный вопль человечества къ небесному Отцу: Отче нашъ! Явись намъ. Приблизься къ намъ, чтобы намъ полюбить Тебя, какъ алчетъ сердце наше!...—Учитель и ученикъ понимали другъ друга, понимали, о чемъ шла рѣчь обоимъ; но со стороны Филиппа пониманіе было несовершенно: Апостолъ, человѣкъ, недоумѣваетъ и тремещетъ предъ величіемъ благодати Бога, отложившаго всю славу Свою, чтобы явиться людямъ. Онъ даже вѣруеть, онъ благоговѣетъ предъ величественными словами Христа: Азъ есмь..., но онъ смущенъ величіемъ Божіи снисхожденія. Неужели же это такъ?... Неужели Богъ явился уже человѣку?... И неужели Онъ не только явился, но и явился, чтобы совѣмъ близкимъ стать ему, — не въ славу Своей, не въ тризвонномъ свѣтѣ ея, не среди громовъ, не въ блескѣ молній, а въ сечъ кроткомъ, безконечно любящемъ Учителѣ?... Но это истинно такъ: „Вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ; а если не такъ, то вѣрьте по самымъ дѣламъ“... (ст. 11).

Вотъ въ чемъ непреходящее значеніе христіанства, вотъ въ чемъ негочиникъ вѣчнаго обаянія и силы его. Если вѣчно будетъ существовать въ родѣ человѣческомъ религія, г. е. если не выродится само человечество ¹⁾; то этой религіей можетъ быть только христіанство, религія Богочеловѣка Христа. Въ ней человечество вонегдѣ достигло исцеленія всѣхъ чаплій, какими несли жили, ея значеніе не прейдетъ, не умагнется. Своимъ ученіемъ о Богочеловѣствѣ Христа Спасителя она навсегда будетъ дороже человѣку (въ общемъ) самой жизни его.

Въ этомъ съ христіанствомъ не можетъ сравниться ни какая другая религія. Религіозныя чувствованія принадлежать вообще къ числу сильнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ

1) Лук. XVIII, 8.

въ жизни человѣка; во имя ихъ скорѣе, чѣмъ изъ за чего л. другого, онъ готовъ перенести все и всеѣмъ пожертвовать. Но изъ всеѣхъ религій христіанство только способно возводить человѣка въ высшую сферу самопожертвованія; христіанство есть именно та религія, которая, какъ никакая другая, въ мірѣ распространилась и возрасла на крови мучениковъ и исповѣдниковъ. И всеѣ религіи, внушая человѣку мысль о союзѣ съ Божествомъ, естественно ведутъ его къ отреченію отъ земныхъ привязанностей и страховъ, но въ нихъ — скорѣе неясное влеченіе души человѣческой къ неясно и неправильно познанному Творцу своему, чѣмъ сознательная любовь къ Нему, и отсюда онѣ не чужды страха дикаго, рабскаго, не чужды чертъ и обнаруженій, не возвышающихъ человѣка въ богоподобномъ достоинствѣ его, а унижающихъ и оскорбляющихъ. Когда приносились жертвы человѣческія Молоху, или Индусы бросались подъ священную колесницу, катившуюся по берегамъ Ганга, или начиналъ дикую войну и безтрепетно шель въ битву, во имя Аллаха и Магомета, пророка Его, мусульманинъ: все это было подвигомъ, относительно котораго можетъ судить всякій, насколько въ немъ было дѣйствительной любви къ Божеству и дѣйствительнаго самоотреченія во имя этой любви: Бога, который взывалъ къ такимъ подвигамъ, на самомъ дѣлѣ любить — человѣкъ не могъ. Здѣсь не было любви, здѣсь не было самоотреченія: здѣсь былъ страхъ, здѣсь былъ довольно мелкій расчетъ — меньшей жертвой грозному Божеству отдѣлаться отъ большей, и, наконецъ, и болѣе всего, — здѣсь былъ тотъ темный энтузіазмъ, который, по нравственному достоинству своему, равняется опьяненію; это чисто стихійное движеніе, подобное всякому другому стихійному движенію толпы, дѣлающему человѣка невмѣняемымъ ни за подвиги, ни за преступленія. Человѣкъ, захваченный имъ, перестаетъ, можно сказать, быть человекомъ, и когда въ немъ пробуждается самосознаніе, онъ стыдится уже подобныхъ подвиговъ. И потому то возможность проявленій самопожертвованія въ другихъ религіяхъ обратно — пропорціональна духовному развитію народа и отдѣльных людей.

Христіанство есть та единственная религія, которая для вѣрующаго останется навсегда дороже жизни, которая всегда

будеть источникомъ величайшихъ подвиговъ и истиннаго самоотверженія — во Христѣ человѣкъ получаетъ возможность высшей любви къ Богу, отлучить отъ которой уже нѣтъ въ мірѣ достаточной силы. (См. Римл. VIII, 38 — 39). Въ лицѣ Спасителя своего познавая совершеннѣйшаго человѣка, человѣкъ можетъ обращаться къ Нему ту же самую любовь, что и къ ближайшимъ къ себѣ людямъ; а такъ какъ это совершенство человѣческой природы Іисуса означаетъ не только ея полное тожество съ природой всѣхъ людей, но и совокупность въ ней всѣхъ именно совершенствъ идеальнаго Человѣка, и такъ какъ оно обусловлено ипостаснымъ единеніемъ съ Божествомъ: то отсюда раскрывается возможность уже той любви человѣка къ Спасителю, которая несравненно выше и больше человѣка и къ отцу, и къ матери, и къ братьямъ, и къ сестрамъ. Безконечное величіе и — совершенная доступность, безпредѣльность въ могуществѣ и — любви, въ святости и — спусхожденіи, неразрывное единеніе безусловной Божественной воли и — ограниченной, колеблющейся воли человѣческой: Богочеловѣкъ Христосъ, особенно въ невыпныхъ страданіяхъ и смерти Своей (страданія любимаго, когда они понятны, даютъ высшее напряженіе любви къ нему), поруганный, уничиженный, но отвергающій помощь больше неже и дванадесять легионовъ Ангелъ и молящійся за враговъ, есть свѣтыня любви человѣческой, и эта любовь есть безспорно высшая и непреходящая сила въ мірѣ... Она сила, могущество и тѣмъ болѣе — всемогущество — не вызываетъ любви, — и не для немощнаго и подверженнаго страданіямъ человѣка — скорѣе основаніе къ рабскому страху: съ другой стороны — одна слабость, одно страданіе дѣлаютъ любовь болыною, безрадостной для человѣка: но тѣмъ выше, тѣмъ святѣе, тѣмъ могущественнѣе любовь его, чѣмъ идеальнѣе съ любимымъ соединилась сила — съ слабостью, блаженство съ страданіемъ. Такое именно всесовершенное, идеальное соединеніе: всемогущества и человѣческой слабости, всеблаженства и горечи страданій и мукъ, кторыхъ отъ вѣка не испытывали ни одинъ человѣкъ, — и осуществилось во Христѣ. Онъ предъ самыми страданіями уже возглаголетъ въ неземной радости: нынѣ прославися Сынъ Человѣческій!... Онъ учениковъ Своихъ приглашаетъ въ этотъ часъ радоваться о

Немъ (Іо. XIV, 28), Онъ, заканчивая бесѣду свою предъ страданіями, какъ послѣднее слово Своё говоритъ имъ: дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ!... И Онъ же томится и тоскуетъ до слезъ кровавыхъ и пота, изнемогаетъ въ борьбѣ, взываетъ къ Отцу: Отче Мой! Аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія; Ангелъ съ неба укрѣпляетъ Его, съ креста раздаётся болѣзненный его вопль: Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставилъ?

Сколько слезъ любви и умиленія лилось и льется надъ священнымъ повѣствованіемъ объ этихъ моментахъ!... И онѣ не изсякнутъ. Все отвергнетъ, все забудетъ человечество, но оно не отвергнетъ, не забудетъ любви Христа и ко Христу. Въ ней и только въ ней—тайна великой побѣды христіанства надъ міромъ; ею только одушевлены были тѣ, чьею кровью куплена была эта побѣда.

К. Сильченковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)
